

Вот же безумец! И Нин в ярости одёрнул ворот, но краснота на кончиках ушей всё никак не сходила. Ему давно следовало понять, что от Янь Сюаня нельзя ждать ничего хорошего, но он и представить не мог, что тот зайдёт настолько далеко. И для чего? Чтобы унижить его? И Нин не мог найти этому объяснения.

Заметив, что Янь Сюань, похоже, намерен продолжать и дальше, бессмертный глубоко вздохнул и холодно спросил:

— Знаешь, что это за метка у тебя на лбу?

Зеркала поблизости не было, поэтому Янь Сюань, разумеется, никак не мог её увидеть. На его лбу красовалась крошечная золотая отметина, напоминающая сосновую иголку. Впрочем, даже если бы он что-то и знал, его это не слишком волновало. Сейчас все мысли демона занимали пылающие кончики ушей И Нина и мелькнувшая из-под одежды полоска белоснежной кожи.

— Имя ей «Жажда».

Едва он произнёс это слово, как золотая метка на лбу Янь Сюаня вспыхнула. В то же мгновение его захлестнула невыносимая жажда — горло обожгло ужасающей сухостью и болью, словно туда поместили раскалённые угли. Он уподобился дикому зверю на грани гибели, и если бы не его железная выдержка, любой другой на его месте уже корчился бы на земле.

По заметно помрачневшему лицу Янь Сюаня стало понятно, что заклятие сработало, и напряжение в душе И Нина немного спало.

— Не волнуйся, твоей жизни это не угрожает, просто заставит вести себя приличнее.

Это заклятие он наложил ещё тогда, когда запечатывал Янь Сюаня, — на случай, если тот попытается сам разрушить печать.

Если дать заклятию имя, оно обретёт свойства, присущие этому имени.

Назови он его тогда не «Жажда», а «Смерть», Янь Сюань тотчас обратился бы в пепел. Вот почему И Нин был уверен, что сможет его контролировать.

Он всегда был силён, предусмотрителен и искусен в заклинаниях. Единственным его просчётом стал этот проклятый ученик, Гун Сюсянь.

«Как всегда хитёр и коварен», — мысленно выругался Янь Сюань, стиснув зубы от жгучего желания что-нибудь с ним сделать.

Он с трудом подавил этот порыв, как вдруг раздался раздражающий голос.

— Что вы здесь делаете, учитель?

И Нин обернулся и увидел Гун Сюсяня, внезапно появившегося у входа в пещеру.

Почему он тоже здесь? Бессмертный нахмурился.

Первым делом взгляд Гун Сюсяня упал на мужчину, который стоял рядом с его учителем и держал того за запястье. Черты лица незнакомца были резкими, но необычайно красивыми, а в очертаниях губ таилась опасная, холодная усмешка. Когда их взгляды встретились, на Гун Сюсяня обрушилась гнетущая волна тёмной энергии, подобно бушующей грозе.

— Демонический культиватор? — Гун Сюсянь немедленно выхватил меч. — Учитель, что вы делаете вместе с этим демоном?

Выражение его лица было мрачным, а взгляд застыл на красной отметине в уголке рта мужчины и на растрёпанной одежде И Нина. В груди тут же вскипела ярость, и даже намерение меча стало в несколько раз острее.

Не подозревая о его мыслях, И Нин при виде бывшего ученика ощутил лишь тошноту и отвернулся.

— Уведи меня, — сказал он Янь Сюаню.

Если бы не отсутствие духовных сил, он не хотел бы иметь ничего общего ни с одним из них.

Голос Гун Сюсяня зазвучал громче, полный угрозы:

— Учитель, не слишком ли далеко вы заходите? Подумайте хорошенько, кто на самом деле на вашей стороне?

— Умоляй меня, и я унесу тебя отсюда, — тихо усмехнулся Янь Сюань, намеренно приблизившись вплотную к лицу И Нина и выдыхая едва ощутимые струйки воздуха прямо ему в ухо.

Щекотно.

От этих слов ресницы И Нина дрогнули. Когда он поднял глаза, в них ещё блестела влажная дымка, вызванная злостью на Янь Сюаня. От этого зрелища у демона перехватило дыхание.

— Жажда.

В ту же секунду горло Янь Сюаня скрутило сухостью, и он закашлялся. Губы потрескались, а во рту пересохло так, будто там развели костёр.

Одним движением он притянул бессмертного к себе и хрипло произнёс:

— Ладно, твоя взяла. Как безжалостно.

Но едва они собрались выйти из пещеры, дорогу им вновь преградил Гун Сюсянь.

— Учитель, это и есть ваш выбор?

И Нин не желал больше с ним говорить, но Гун Сюсянь не отступал:

— Что между вами? С каких пор это началось?

Человек, который сам делил постель со своим другом детства, ещё смеет задавать такие вопросы?

— Какое тебе дело? — холодно произнёс И Нин. — Когда ты ложишься в постель с Лю Жугэном, ты хоть раз вспомнил, какие между нами отношения? Уничтожить моё духовное ядро, превратить в калеку — этого ты добивался?

Гун Сюсянь явно не ожидал, что его учитель, некогда избегавший любых препирательств, вдруг заговорит с ним так резко. Подумав, что И Нин ещё не отпустил свою злость, он смягчился и сказал:

— Учитель, я знаю, вы ещё сердитесь, но вам не нужно было уходить от меня. Я лишь хотел, чтобы вы оставались рядом.

Он желал получить такого спутника Дао, которого можно контролировать. Такого же послушного, как Лю Жугэн. В его глазах И Нин всегда был очень отстранённым и холодным. И если учитель собирался уйти от него, оставался лишь один выход — уничтожить его духовное ядро, чтобы навсегда удержать рядом.

У него просто не было другого выбора.

И Нин глубоко вздохнул и коротко бросил Янь Сюаню:

— Идём.

Он больше не хотел ни видеть лицо бывшего ученика, ни продолжать этот бессмысленный разговор.

Наблюдая за этим спором со стороны, демон быстро понял, в чём дело. Значит, Гун Сюсянь не выдержал одиночества и сотворил «такое» с кем-то на стороне.

Но если И Нин не желал продолжать эту тему, то Янь Сюань — совсем наоборот. Он больше не в силах был сдерживаться.

— Мои отношения с твоим учителем точно такие же, как у тебя с тем Лю Жугэном, — внезапно заговорил он, и в уголках его губ заиграла насмешливая, довольная ухмылка.

Бессмертный потрясённо поднял голову, совершенно не ожидая, что тот так быстро войдёт в роль. Он хотел было что-то сказать, но Янь Сюань вдруг крепко обнял его за плечи. И Нин услышал ровный стук его сердца и спокойный, неторопливый голос:

— Только вот они не такие грязные, как у вас. Мне ещё следует поблагодарить тебя за то, что ты сам отдал мне своего учителя.

Последние слова Янь Сюань произносил особенно медленно, с нотками смеха в голосе.

Взгляд Гун Сюсяня намертво впился в руку, лежащую на плече И Нина, и напускное спокойствие на его лице вмиг рассыпалось.

— Учитель, знаю, вы ненавидите меня за ту боль, что я вам причинил. Но вам не стоило связываться с демоническим культиватором, чтобы позлить меня.

Едва он договорил, как намерение его меча устремилось вперёд с сокрушительной силой. И Нин хотел крикнуть Янь Сюаню, чтобы тот уворачивался, но демон уже вытянул руку: демоническая энергия с его ладони поползла по клинку Гун Сюсяня, окутывая его густым чёрным туманом.

Только теперь И Нин вспомнил, что так и не вернул Янь Сюаню его саблю. Всё это время она питалась от духовного источника в главном зале, но даже этот источник не мог рассеять вьевшуюся в лезвие кровавую ауру.

— У него очень высокий уровень совершенствования, сначала нужно забрать твою саблю, — напомнил И Нин. Им следовало воспользоваться моментом, чтобы забрать оружие, пока чёрный туман сковывал Гун Сюсяня. В противном случае, если во время сражения придётся прикрывать беспомощного И Нина, их шансы на победу будут невелики.

Янь Сюань слегка прищурился и тихо хмыкнул в ответ.

Кто бы мог подумать, что однажды настанет день, когда они будут действовать сообща. И всё же это чувство было довольно приятным.

Они выпрыгнули из пещеры и устремились к главному залу. И Нин, всё ещё заключённый в его объятия, наконец ощутил странность происходящего и сухо спросил:

— Так какие у нас с тобой отношения?

Выражение лица Янь Сюаня ничуть не изменилось.

— Просто он меня взбесил, и я сказал первое, что пришло в голову, — ответил он будничным, раздражённым тоном.

— А, — коротко и равнодушно отозвался И Нин, отворачиваясь. Но в груди у него почему-то разлилось странное тёплое чувство.

Когда они добрались до главного зала, у входа снова висел ярко-розовый фонарь и покачивался на ветру. Бессмертный остановился перед ним с мрачным лицом.

Лю Жугэн повесил его обратно.

Янь Сюань заметил, что настроение И Нина резко испортилось, проследил за его взглядом и увидел фонарь. Теперь он, кажется, начал понимать. Вот почему бессмертный приходил спросить его о празднике в тот день.

И Нин, не проронив ни слова и не оборачиваясь, вошёл в главный зал. Янь Сюань бросил последний взгляд на фонарь и неспешным шагом последовал за ним. Но едва они скрылись внутри, как шар демонической энергии окутал фонарь и мгновенно обратил его в пепел, не оставив ни малейшего следа.

Там, где в передней части зала обычно совершенствовался И Нин, на столе из золотистого наньму* вместо сандаловых благовоний теперь стояли тарелка винограда и несколько кувшинов изысканного вина. Там же на кушетке для медитации разлёгся Лю Жугэн. Увидев вошедших, он лениво протянул:

— О, Почтенный бессмертный вернулся.

И Нин даже не удостоил его взглядом и обратился к Янь Сюаню:

— Духовный источник во внутреннем зале, твоя сабля там.

Видя, что его игнорируют, Лю Жугэн презрительно фыркнул:

— Всё ещё строишь из себя недотрогу? И Нин, неужели ты думаешь, что если приведёшь первого встречного проходимца, то заставишь Сюсяня ревновать?

В зале повисла тишина. А мгновение спустя Янь Сюань не выдержал и расхохотался.

— И тебя подставило такое ничтожество?

Жадный, высокомерный, недалёкий, болтающий всё что вздумается и привыкший добиваться своего только внешностью. Наверное, лишь такой неопытный мальчишка вроде Гун Сюсяня мог принять булыжник за драгоценность.

Бессмертный мельком взглянул на него и спросил:

— Хочешь пить?

Горло Янь Сюаня инстинктивно сжалось. Он бросил на И Нина свирепый взгляд и скомандовал:

— Иди принеси мою саблю.

— Я... — он хотел было возразить, но Янь Сюань выпроводил его во внутренний зал.

Лю Жугэн закинул ногу на ногу и, подперев рукой подбородок, принялся разглядывать незнакомца. Он был обычным смертным без капли духовных сил и не мог почувствовать исходящую от мужчины демоническую энергию. Но зато прекрасно знал, что на горе Юньцин нет никого сильнее Гун Сюсяня, и пока тот его защищает, никто не посмеет ему навредить.

Поэтому он ничуть не боялся Янь Сюаня и даже находил этого проходимца довольно привлекательным.

— Когда-нибудь Почтенный бессмертный И Нин всё равно окажется под мужчиной. С ним у тебя не будет никакого будущего, — Лю Жугэн многозначительно подмигнул и как бы невзначай обнажил стройную талию.

От этих слов перед мысленным взором Янь Сюаня всплыла сцена в пещере: растрёпанный ворот И Нина и обнажившийся участок его кожи.

Почему он опять об этом думает? Невольно Янь Сюань облизнул губы.

Увидев это движение, Лю Жугэн решил, что сумел его соблазнить, и самодовольно подумал:

«Вот видишь, И Нин, ты никогда не сможешь превзойти меня».

Спустя долгое время Янь Сюань поднял взгляд и лениво произнёс:

— Он не любит убивать. Меня же совершенно не волнует, испачканы мои руки кровью или нет.

Улыбка на лице Лю Жугэна застыла. В следующую секунду Янь Сюань оказался рядом с ним — настолько быстро, что человеческий глаз не поспевал за движением, — и одним пинком сбил его на пол. Не ожидая подобного, Лю Жугэн выплюнул полный рот крови и в ужасе начал ползти назад, выкрикивая имя Гун Сюсяня.

— Больно? — с некоторой обеспокоенностью спросил Янь Сюань. Лю Жугэн, напуганный до оцепенения, не успел опомниться и решил, что незнакомец вдруг проникся к нему жалостью. Торопливо схватившись за грудь, он прошептал:

— Больно, очень больно.

— Вот и хорошо. — Сапог Янь Сюаня опустился на его пальцы, с хрустом ломая кости. Всё тем же мягким голосом он добавил: — А то я уж переживал, что нет.

Пронзительный крик Лю Жугэна заставил И Нина выйти из внутреннего зала. В руке он держал саблю, и открывшаяся перед ним сцена заставила его застыть в немом изумлении.

Янь Сюань прижимал Лю Жугэна ногой, а весь пол был залит лужами крови.

— Что ты делаешь? — ошеломлённо спросил И Нин. Зачем Янь Сюань напал на Лю Жугэна? Обычно он бы и пальцем не пошевелил из-за такой мелочи. Неужели... ради него?

Янь Сюань подлетел к нему, с невозмутимым видом забрал свою саблю и, развернувшись, бросил пару слов через плечо:

— Он назвал меня проходимцем.

Примечание:

Наньму (楠木, nánmù) — ценная порода дерева с характерным золотистым оттенком древесины, которая высоко ценилась в древнем Китае. Обладает тонким ароматом, устойчива к гниению и

насекомым, имеет красивую текстуру. Из неё изготавливали дворцовую мебель, колонны, гробы для императоров и высокопоставленных особ.

<http://bllate.org/book/17265/1639477>